

DOI: 10.22363/2312-9220-2023-28-4-671-678

EDN: ROBIMJ

УДК 82-312.2:82-141

Научная статья / Research article

Функции буддийских практик в творчестве Л.А. Юзефовича

Л.В. Дубаков

*Университет МГУ-ППИ в Шэньчжэнь,
Китайская Народная Республика, 518172, Шэньчжэнь, ул. Гоцзидасюэюань, д. 1*
✉ dubakov_leonid@mail.ru

Аннотация. Цель исследования – выявить особенности и функции обращения Л.А. Юзефовича к буддийским религиозным практикам в книге «Самодержец пустыни. Барон Р.Ф. Унгерн-Штернберг и мир, в котором он жил», романе «Князь ветра», рассказе «Убийца» и стихотворении «Бурхан». Указанная тема ранее не попадала в центр внимания отечественного литературоведения, что обуславливает научную новизну данного исследования. Осмысляются буддийские практики в творчестве Юзефовича в рамках концепции «буддийского текста» современной литературы. Результаты показали, что писатель использует практику визуализации докшита, или буддийского защитника, появляющегося в сюжете, как один из способов характеристики персонажей, внешне совпадающих с пугающим божеством, но внутренне расходящихся с ним с точки зрения мотивации. Буддийская медитация на нечистое выявляет проблему противоположности творческой и религиозной интенций: герой романа «Князь ветра» выбирает путь аскезы, закрывая для себя возможность литературного созидания, так как по своей сути оно умножает сансарические образы. Медитация, связанная с фигурой бодхисаттвы сострадания, позволяет писателю обозначить в произведениях трансцендентную реальность, просветляющую пейзаж и преображающую страдающий мир, вносящую гармонию в сюжет жизненной трагедии и катастрофы.

Ключевые слова: буддизм, религия, религиозные практики, медитация, визуализация, пустотность, характеристика персонажа, сюжет, пейзаж

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 15 июня 2023 г.; отрецензирована 2 сентября 2023 г.; принята к публикации 1 октября 2023 г.

Для цитирования: Дубаков Л.В. Функции буддийских практик в творчестве Л.А. Юзефовича // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2023. Т. 28. № 4. С. 671–678. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2023-28-4-671-678>

© Дубаков Л.В., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

The functions of Buddhist practices in the works of L. Yuzefovich

Leonid V. Dubakov

*Shenzhen MSU-BIT University,
1 International University Park Road, Shenzhen, 518172, People's Republic of China*

✉ dubakov_leonid@mail.ru

Abstract. The aim of the research is to analyze the features and functions of L. Yuzefovich's appeal to Buddhist religious practices in the book "The Autocrat of the Desert. Baron R.F. Ungern-Sternberg and the World in Which he Lived", the novel "Prince of the Wind", the story "The Murderer" and the poem "Burkhan". This topic has not previously been in the spotlight of Russian literary criticism, which determines the scientific novelty of this study. The Buddhist practices in the works of Yuzefovich within the framework of the concept of the "Buddhist text" of modern literature are comprehended. The results showed that the writer uses the practice of visualizing a dokshit, or Buddhist protector, appearing in the plot as one of the ways to characterize characters who outwardly coincide with the frightening deity, but internally diverge from him in terms of motivation. Buddhist meditation on impurity reveals in Yuzefovich the problem of the opposition of creative and religious intentions: the hero of the novel "Prince of the Wind" chooses the path of asceticism, closing for himself the possibility of literary creation, which inherently multiplies samsaric images. Meditation associated with the figure of the Bodhisattva of compassion allows the writer to designate in his works a transcendent reality that enlightens the landscape and transforms the suffering world, bringing harmony to the plot of life's tragedy and catastrophe.

Keywords: Buddhism, religion, religious practices, meditation, visualization, emptiness, characterization, plot, landscape

Conflicts of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Article history: submitted June 15, 2023; revised September 2, 2023; accepted October 1, 2023.

For citation: Dubakov, L.V. (2023). The functions of Buddhist practices in the works of L. Yuzefovich. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 28(4), 671–678. <https://doi.org/10.22363/2312-9220-2023-28-4-671-678>

Введение

Современная русская литература, как и литература прошлого века, проявляет активный интерес к буддийским образам, идеям, практикам. Литературоведение анализирует присутствие буддизма в художественных произведениях в рамках концепции «буддийского текста», генетически восходящего к «петербургскому тексту» В.Н. Топорова (Топоров, 1995). Так, в частности, «буддийский текст» осмысливается как часть ориентального дискурса русской литературы в монографии Р.Ф. Бекметова (Бекметов, 2019).

Л.А. Юзефович не раз в своем творчестве обращался к буддизму (Furman, 2018; Gordon, 2018; Ишимбаева, 2013; Дубаков. Буддийские аспекты..., 2022; Дубаков. Концепции буддийской пустотности..., 2022; Дубаков. Человек как буддийская мнимость..., 2022). О буддийских составляющих образа Р.Ф. Унгерна фон Штернберга он писал в повести «Песчаные всадники» и книге «Само-

держец пустыни. Барон Р.Ф. Унгерн-Штернберг и мир, в котором он жил». Буддийские мотивы можно увидеть в его романах «Князь ветра», «Журавли и карлики», в его рассказах, стихотворениях. Особое место в прозе Юзефовича занимают буддийские практики, то есть «совокупность интерпретаций и действий, совершаемых людьми в связи с их верованиями, их религиозным опытом и/или их взаимодействием с религиозными институтами» (Религиозные практики..., 2006). В случае с названным писателем речь идет прежде всего о молитвенных, медитативных практиках и практиках, основанных на визуализации.

Обсуждение

Практика визуализации буддийского защитника и характеристика персонажа

В романе «Князь ветра» в связи с расследованием Путилина и с богословской дискуссией профессора Довгайло и писателя Каменского о природе докшитов, или Защитников буддийского Учения, вначале появляется цитата из мемуаров Каменского-старшего «Русский дипломат в стране золотых будд», в которой описывается визуализация докшита Джамсарана, а в конце книги ламы после взятия крепости Барс-хото молятся Джамсарану, воплотившемуся в Джамби-гелуне и победившему врагов буддизма: «Ужасный, пламенеющий, как огонь при конце мира...» (Юзефович, 2001, с. 253). Образ Джамби-гелуна восходит к Джа-ламе, одному из реальных деятелей монгольского национального возрождения и человеку неоднозначной, авантюрной судьбы, а оба этих фрагмента – к книге А.М. Позднеева «Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии в связи с отношениями сего последнего к народу» (Позднеев, 1993, с. 329–337).

Далее в «Князе ветра» воспроизводится искаженный Джамби-гелуном фрагмент буддийской мистерии Цам, в которой символически воспроизводится битва между божественными и демоническими силами (Жигмитова, 2017, с. 135–140). Джамби-гелун буквализирует и оскверняет эту мистерию, совершая вместо нее кровавый обряд: «Несчастный бился в агонии, но был еще жив, когда Джамби-гелун нанес последний, одиннадцатый удар: левой рукой он наотмашь распластал ему подреберье, а правую, предварительно отшвырнув нож, засунул в рану, вырвал оттуда кровавый дымящийся ком конвульсирующего сердца и высоко поднял его над собой, показывая беснующейся толпе» (Юзефович, 2001, с. 255). (Так описывается лама, исполняющий роль докшита Чжамсарана в мистерии Цам, у А.М. Позднеева: «Чжамсаран <...> коронован пятью человеческими черепами, но помимо сего над каждым черепом его короны водружен еще значок в виде знамени; в одной руке он держит пламенеющий меч, в другой сердце, облитое кровью» (Позднеев, 1993, с. 401).) Ранее Солодовников, один из персонажей «Князя ветра», отмечает, что «Джамби-гелун съел вырванное у пленного офицера еще трепещущее сердце. Очевидно, в приступе религиозного экстаза он вообразил себя Махагалой или Чжамсараном» (Юзефович, 2001, с. 233). Джамби-гелун таким образом «расчеловечил» не только «оскверняющих монастыри гаминов» (Юзефович, 2001, с. 233), но и самого себя.

Связанная с Чжамсараном практика, ее образы и мотивации упомянутых иерархий проецируются в книгах Юзефовича на внешний вид, поступки, отношение к людям, к самим себе, наконец, на судьбу Дхамби-гелуна (Джаламы) и барона Унгерна и их соратников в целом. При этом нужно отметить, что буддизм, даже с поправкой на средневековые национальные наслоения, воспринимает страшные образы этой практики символически, имея в виду борьбу с человеческими страстями. Но оба героя Юзефовича – и Дхамби-гелун, и барон Унгерн – предпочитают понимать их буквально и относить пафос этой практики не на свой счет, а на счет других.

**Буддийские медитации:
проблематика произведения, пейзажные образы**

Этот же прием, когда буддийские иерархии и образы практик, им посвященных, отражаются в сюжете, можно увидеть в рассказе-«свидетельстве» «Убийца», связанном с историей барона Унгерна (Jankowski, 2011, с. 19). Повествователь рассказывает о статуэтке бодхисаттвы сострадания, или по-китайски – Гуань Инь (о том, что этот образ является ключевым в развитии и интерпретации сюжета произведения, говорит Г.В. Токарев (Токарев, 2018, с. 191–192)), которая находится у него дома, и о медитации для установления связи с этим бодхисаттвой: «В абсолютной пустоте мира следовало представить сине-черное небо, на нем – молочно-белую луну, окруженную мягким сиянием, а когда луна станет похожей на большую жемчужину, прозреть в ней богиню сострадания. Обращаться к ней надо не раньше, чем можно будет различить слезы счастья, выступающие у нее на глазах при возможности помочь чьей-то беде» (Юзефович, 2018, с. 116). В конце рассказа образы этой медитации обозначатся в судьбе персонажей и проявятся в пейзаже, который увидят за окном поезда унгерновский офицер и спасенная им еврейская девушка, а также сам повествователь: «Небо за окном темнеет и на границе ночи становится черно-синим. Молочно-белая луна окружена мягким сиянием. Они не знают, что, если долго не отрывать от нее глаз, она превратится в жемчужину, жемчужина – в богиню милосердия. Тогда остается всего ничего – различить слезы счастья у нее на глазах и воззвать к ней о помощи»; «За спиной обжившейся на этом окне Гуань Инь, за двумя ее припудренными ржавчиной, вписанными один в другой фестончатыми нимбами расстились сотворенные из той же субстанции крыши. Над ними стоял потусторонний свет белой ночи» (Юзефович, 2018, с. 135). Действительно, бодхисаттва сострадания, как это описано, например, в «Краткой практике Ченрези», или «Дроден Какхьябма», Тангтонга Гьялпо, появляется «На белом лотосе и лунном диске», и «Внешняя среда чистой землей Девачен («Исполненной блаженства»)), а «Тело, речь и ум существ внутри [этой среды]»¹ становятся Ее телом, речью и умом. В этой связи двусмысленно в рассказе звучит слово «субстанция», которое то ли имеет отношение к материалу, из которого изготовлена статуэтка, – железо, то ли речь здесь идет о тончайшей и трансцендентной природе реальности: «Видимости, звуки и состояния ума стано-

¹ Тангтонг Гьялпо. Краткая практика Ченрези, или Дроден Какхьябма. URL: https://dharmaarakshita.org/2014/05/10/droden_kachabma/ (дата обращения: 20.06.2023).

вятся нераздельны с пустотностью»². Финал «Убийцы» трагичен: несмотря на взаимное сострадание, герои рассказа не сумели преодолеть свое прошлое, но повествователь покрывает эту трагедию образом неземного покоя, который рождается из созерцания бодхисатвы Гуань Инь и дает надежду на возможность высоких человеческих поступков.

Фрагменты буддийской медитации можно увидеть также в стихотворении Юзефовича «Бурхан». Герой стихотворения смотрит на буддийское божество и видит «его лучи // сквозь свое, склоненное к раме / и двоящееся в полумгле / с четырьмя пустыми глазами / отраженье в грязном стекле» (Юзефович, 2016). Глядя на божество, герой проникается Его сущью, в какой-то степени сам становится Им. И эпитет «пустые» прочитывается здесь с точки зрения буддийской теории пустотности, а «отраженье в грязном стекле» – как намек на буддийскую теорию сансары. Оптическое раздвоение героя может быть интерпретировано и как намек на концепцию буддийской иллюзорности, и как отражение образа самого бурхана. Вероятно, речь идет, как и в рассказе «Убийца», о бодхисатве Гуань-Инь, или Авалокитешваре. Одной из распространенных Его форм является четырехрукая – Шадакшара Локешвара. Этот бодхисаттва восседает на лунном диске (Неаполитанский, Матвеев, 2007, с. 17). Отсюда, возможно, строки: «Тяжело ты, лунное иго – / свет, сошедший с его руки» (Юзефович, 2016). Как говорится в «Краткой практике Ченрези», или «Дроден Какхьябма», Тангтонга Гьялпо, «Из тела Благородного исходят лучи света, / Очищающие нечистые действия и видимости и помраченные состояния ума»³. В это буддийское истолкование укладывается и финальная строка о саде «в четыре сотки», над которым «возле бога кружит октябрь» (Юзефович, 2016), так как четыре – одно из священных чисел буддизма, равно как и восемь, упоминаемое в начале стихотворения.

Прием интегрированности буддийской практики в пейзажные образы есть и в романе «Князь ветра», где в пассаже, прерывающем песню монгольского певца, появляются духи, творящие практику, похожую на Тонглен, практику обмена, которая основана на вдыхании визуализированного дурного и выдыхании также визуализированного благого⁴. В данном случае, вероятно, речь идет о гандхарвах – промежуточных существах, притягивающихся к приятному либо неприятному запаху с целью воплощения («Другие отрасли направлены к запаху и месту. У родившихся от тепла и сырости место рождения в соответствии с кармой чистое или нечистое. Они идут туда через желание запаха» (Васубандху, 1980, с. 24)): «...добрые духи, те, что питаются благоуханием, быстро разогнали тучи <...>. Они вдыхали его через правую ноздрю и выдыхали через левую. Другие, утоляющие голод зловонием, собирались у столичных скотобоен, дубильных чанов и свалок, стаями кружили возле крошечных заводиков, где выделывают кожи или очищают бычьи кишки для сибирских колбасных фабрик. Они, наоборот, принимали пищу

² Тангтонг Гьялпо. Краткая практика Ченрези, или Дроден Какхьябма. URL: https://dharmaarakshita.org/2014/05/10/droden_kachabma/ (дата обращения: 20.06.2023).

³ Там же.

⁴ Буддийская практика Тонглен. URL: <https://www.kunpendedek.ru/library/buddhism/practics/tonglen/> (дата обращения: 20.06.2023).

через левую ноздрю, а испражнялись через правую» (Юзефович, 2001, с. 66). Эти духи, появившиеся вслед за дождем, оказываются в романе одним из образов, что символизируют собой грядущие глобальные перемены, которые придут в Монголию и Россию.

Отсылка к буддийской медитации на десять нечистот, среди которых в качестве объекта выделяется человеческий скелет, присутствует в воспоминаниях Каменского-младшего о его пребывании в Урге: «Черепка и кости никто не убирал, наткнуться на них можно было в полуверсте от центральных улиц. Некоторые скелеты казались мне женскими, тогда я подолгу созерцал эти жалкие остовы и даже, если поблизости никого не было, ворошил их палкой, дабы проникнуться сознанием тленности всего сущего во плоти» (Юзефович, 2001, с. 109). Суть этой медитации – в разотождествлении человека с собственным телом и в борьбе с чувственными привязанностями («В „Висуддхимагге“ (глава IV) объект медитации классифицирован в виде десятикратной загрязненности трупов, то есть: (1) вздутый труп <...> (10) скелет, демонстрирующий омерзительное состояние костей тела, благотворен для того, кто испытывает вожделения к красивым зубам. Таким образом грязное, соотнесенное с различными видами похотливости, будет осознано десятикратно» (Конзе, 2017, с. 68)). Этот отрывок поднимает в романе проблему творчества. И.С. Тургенев (персонаж «Князя ветра») демонстрирует отрывок Путилину, чтобы показать, что у Каменского был литературный талант. Повествователь замечает, что тот написан без помарок: «Очевидно, двигавшее им чувство оказалось настолько сильным и свежим, что подавило гложащую его, как червь неусыпаемый, заботу о стиле» (Юзефович, 2001, с. 109). В следующем абзаце, за этим сравнением появляются образ могильных червей и история с созерцанием скелетов, то есть возникает тема аскезы и смерти. А через абзац Каменский связывает литературу и сексуальное влечение, с которым он боролся и «мучительно сомневался» в своей «к нему пригодности, причем то и другое непостижимым образом сливалось воедино» (Юзефович, 2001, с. 110). Каменский оказался не способен создавать жизнь (у него нет детей) и литературу, художественные иллюзии (у него нет достойных текстов), поскольку неосознанно выбрал, по сути, иной путь – ухода от мира, анализа и самоанализа. В финале романа эта тема возникает вновь. На вопрос Сафронова о даровитости Каменского-младшего Путилин рассказывает историю из мемуаров Каменского старшего про то, что «В хорошем супе кишочки должны быть, извините, с говнецом» (Юзефович, 2001, с. 264). То, что отвергает буддийская медитация на десять нечистот, напротив, принимает литература.

Заключение

Буддийские практики в творчестве Л.А. Юзефовича присутствуют во многих его книгах – художественно-документальной прозе, романах и рассказах, стихотворениях. Практика визуализации буддийского Защитника, одной из иерархий, которая призвана к охранению Учения и тех, кто его исповедует, в романе «Князь ветра» и в книге «Самодержец пустыни. Барон Р.Ф. Унгерн-Штернберг и мир, в котором он жил» дает писателю возможность характе-

ристики персонажа: барон Унгерн и Джа-лама, подпадая под влияние аберрированных, не учитывающих религиозный символизм и мотивированных собственными страстями и амбициями представлений о буддизме, буквализируют и оскверняют ритуал сообщения с божеством и приносят в мир не знающее меры насилие. Упоминание о буддийской медитации на нечистое в связи с характеристикой одного из персонажей «Князя ветра» поднимает в романе проблему соотношения творческого и религиозного. Как и А.Л. Иванченко (Иванченко, 2007) и А.А. Макушинский (Макушинский, 2020), Юзефович демонстрирует противоположность буддийского пути и пути творчества. Образы и смыслы медитации на Гуань Инь проявляются в сюжете и пейзажной составляющей рассказа «Убийца» и стихотворении «Бурхан». Повествователь в рассказе и лирический герой в стихотворении настраиваются на бодхисаттву сострадания и, совпадая с его природой, обозначают контрастный, умиротворяющий трансцендентный мотив по отношению к мрачной земной реальности, описанной в тексте.

Список литературы

- Бекметов Р.Ф. Русская литература 1830–1860-х годов в зеркале восточных (буддийских и даосских) традиций: дис. ... д-ра филолог. наук. Казань, 2019. 411 с.
- Васубандху. Абхидхарма. Гл. III. Близкий к тексту перевод с тибетского на русский язык, подготовка тибетского текста, примечаний и таблиц Б.В. Семичова и Н.Г. Брянского. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1980. 259 с.
- Дубаков Л.В. Буддийские аспекты образа барона Р.Ф. Унгерна фон Штернберга в повести «Песчаные всадники» Л.А. Юзефовича // Вестник Томского государственного университета. № 483. С. 16–23. <http://doi.org/10.17223/15617793/483/2>
- Дубаков Л.В. Концепции буддийской пустотности и иллюзорности в романе Л.А. Юзефовича «Князь ветра» // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. 2022. Т. 32. № 5. С. 1085–1092. <http://doi.org/10.35634/2412-9534-2022-32-5-1085-1092>
- Дубаков Л.В. Человек как буддийская мнимость в романе Л.А. Юзефовича «Журавли и карлики» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2022. Т. 27. № 4. С. 669–676. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2022-27-4-669-676>
- Жигмитова А.А. Эволюция мистерии Цам в театрализованное действо // Вестник культуры и искусств. 2017. № 1 (49). С. 135–140.
- Иванченко А.Л. Освобождение Толстого: буддийские мотивы в жизни и творчестве Л.Н. Толстого // Международные яснополянские писательские встречи, 2003–2005. Тула: Ясная Поляна, 2007. С. 331–360.
- Ишимбаева Г.Г. Фаустовский сюжет в буддийской транскрипции («Князь ветра» Л. Юзефовича) // Интерпретация текста: лингвистический, литературоведческий и методический аспекты. 2013. № 6. С. 147–149.
- Конзе Э. Буддийская медитация. М.: Беловодье, 2017. 160 с.
- Макушинский А.А. Предместья мысли. Философическая прогулка. М.: Эксмо, 2020. 320 с.
- Неаполитанский С.М., Матвеев С.А. Энциклопедия буддизма. СПб.: Институт метафизики, 2007. 928 с.
- Позднеев А.М. Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии в связи с отношениями сего последнего к народу. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1993. 512 с.
- Религиозные практики в современной России: сборник статей / под ред. К. Русселе, А. Агажанияна. М.: Новое издательство, 2006. 400 с.

- Токарев Г.В.* Семиотический аспект образности художественного текста // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Филологические науки. Научный журнал. 2018. Т. 4 (70). № 4. С. 191–192.
- Топоров В.Н.* Петербург и «Петербургский текст русской литературы» // Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического: избранное / В.Н. Топоров. М.: Прогресс – Культура, 1995. С. 259–367.
- Юзефович Л.А.* Князь ветра. М.: Вагриус, 2001. 272 с.
- Юзефович Л.А.* Мемуар // Знамя. 2016. № 6. URL: <https://magazines.gorky.media/znamia/2016/6/memuar.html> (дата обращения: 20.06.2023).
- Юзефович Л.А.* Самодержец пустыни. Барон Р.Ф. Унгерн-Штернберг и мир, в котором он жил. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2019. 588 с.
- Юзефович Л.А.* Убийца/Маяк на Хийумаа: рассказы. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2018. С. 111–136.
- Furman E.* On Leonid Yuzefovich’s “Horsemen of the Sands” // LARB. Los Angeles Review of Books. 2018, August 30. URL: <https://lareviewofbooks.org/article/two-mirrors-on-leonid-yuzefovichs-horsemen-of-the-sands/> (accessed: 20.06.2023).
- Gordon P.* “Horsemen of the Sands” by Leonid Yuzefovich // Asian Review of Books. 2018, October 21. URL: <https://asianreviewofbooks.com/content/horsemen-of-the-sands-by-leonid-yuzefovich/> (accessed: 20.06.2023).
- Jankowski A.* Из наблюдений над ретродетективом Леонида Юзефовича «Казароза» // Studia Rusycystyczne. Uniwersytetu Jana Kochanowskiego. 2011. Vol. 19. Pp. 11–21.

Сведения об авторе:

Дубаков Леонид Викторович, кандидат филологических наук, доцент филологического факультета, Университет МГУ-ППИ в Шэньчжэне, Китайская Народная Республика, 518172, Шэньчжэнь, ул. Гоцзидасюэюань, д. 1. ORCID: 0000-0003-1172-7435. E-mail: dubakov_leonid@mail.ru